

Елена Чернцова (*Elena Cherntsova*),

Людмила Педченко (*Lyudmila Pedchenko*)

Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина

**ПРОБЛЕМА ПОЛИСЕМИИ
В КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ (НА
МАТЕРИАЛЕ КОНТЕКСТОВ ХУДОЖЕСТВЕННОГО
ДИСКУРСА ГЛАГОЛЬНЫХ ПРЕДИКАТОВ
ЧУДИТЬСЯ, ПОЧУДИТЬСЯ)**

**The Problem of Polysemy within the Cognitive-Discursive Linguistic Paradigm
(Based on the Contexts of the Fictional Discourse of the Verbal Predicates
чудиться, почудиться)**

ABSTRACT: The purpose of the study is to reconstruct the cognitive semantics of the verbal predicates “чудиться”, “почудиться”, taking into account their inner form, and also to suggest a linguo-cognitive model for explaining polysemy. The object of the study is the different contextual meanings of the verbal predicates “чудиться”, “почудиться” in the contexts of fictional discourse, the subject is cognitive semantics as a repeated structure of cognitive processes reflecting the patterns of understanding and thinking. The article presents a typology of contexts for the functioning of verbal predicates, their different contextual meanings are defined, the semantic dependence of the contextual meaning of the verb word on the semantics of the broader context analyzed, the role of the inner form in the creation of polysemy determined, while a linguo-cognitive model for explaining polysemy in terms of “gestalt”, “focus”, “background – figure”, “focusing – defocusing” is suggested.

KEYWORDS: cognitive semantics, polysemy, gestalt, background, figure

Полисемантические глагольные предикаты **чудиться, почудиться** стали камнем преткновения для лексикографов, поскольку обладают диффузной, континуальной семантикой, сложной для экспликации. При этом **чудиться, почудиться** обнаруживают интересное противоречие: с одной стороны, предикаты выполняют функцию организующего центра пропозиции **кому чудится / почудилось кто / что**, задают грамматическую форму и семантику актантов, а с

другой – относятся к словам с диффузной семантикой, со способностью копировать контекстное окружение, «реагировать» на семантическую и коммуникативную среду.

С точки зрения когнитивного подхода к языку, семантика глагольных слов вызывает особый интерес, так как пропозиция **кому чудится / почудилось кто / что** выступает языковой формой для концептуализации особых актов сознания, которые в самом общем виде можно определить так: у субъекта-экспериментера возникают удивительные ощущения / впечатления, часто иллюзорные, не имеющие референтной связи с объектами действительного мира, а в некоторых контекстах речь вообще не идёт о восприятии.

Цель предприняемого исследования состоит в том, чтобы реконструировать когнитивную семантику глагольных предикатов **чудиться, почудиться** с учётом их внутренней формы, а также предложить лингвокогнитивную модель объяснения полисемии. Если **объектом** исследования выступают разные контекстные значения, то его **предметом** является когнитивная семантика глагольных предикатов **чудиться, почудиться** как повторяющаяся структура когнитивных процессов, отражающая шаблоны понимания и мышления¹. **Задачи** исследования: создать типологию контекстов функционирования глагольных предикатов, определить, какие акты сознания концептуализируются в семантике разных контекстов; показать условную членимость континуальной семантики контекста с **чудиться, почудиться**; продемонстрировать смысловую зависимость контекстного значения глагольного слова от семантики широкого контекста, в котором воплощается тактико-стратегическая установка автора художественного текста; определить эту зависимость в терминах «гештальт», «фокус», «фон – фигура».

I. Методология исследования базируется на следующих постулатах когнитивной лингвистики: язык не отделим от познавательной деятельности человека, связан с общими принципами взаимодействия человека с миром; языковые значения не столько отражают мир объективный, сколько репрезентируют структуры знаний, которые строят носители языка, субъективно познавая мир²; разум человека способен к когнитивному моделированию результатов познания, которое лежит в основе формирования языковых значений³.

Методология исследования складывается из атомистического и холистического подходов к языковому материалу. Атомистический – дифференци-

¹ Е.В. Чернцова, *Дискурсивное варьирование когнитивной семантики слова: опыт интегрального исследования (на материале глагольных предикатов казаться, показаться, девербатива кажимость, парентезы кажется)*: монография, Харьков: ХНУ имени В.Н. Каразина 2019, с. 15.

² О.К. Ирисханова, *Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования*, Москва: Языки славянской культуры 2014, с. 11-12.

³ Н.Н. Болдырев, *Когнитивная семантика глагола: сборник статей*, Москва – Берлин: Директ-Медиа 2016, с. 13.

рующий – подход позволяет создать типологию контекстов функционирования глагольных предикатов в соответствии с параметрами «дискурсивный тип контекста», «коммуникативный тип контекста», «субъектная структура контекста» и др. Применяемый нами параметр «дискурсивный тип контекста» актуализирует специфику референции текста (в данном случае художественного), предопределённую характером связанного с ним мира (в данном случае фикционального). Специфический характер фикционального мира задают Воображение и Память – основные категории художественного сознания, они же предопределяют способ сообщения о нём.

Следуя коммуникативной логике художественного дискурса, различаем речевые планы повествования, в которых реализуются позиции рассказчика (повествование от 1-го лица), нарратора (повествование от 3-го лица), персонажа. Используем параметр «коммуникативный тип контекста» – он позволяет дифференцировать «Я»-контекст и «ОН»-контекст, т.е. различать дискурс персонажа и дискурс рассказчика или нарратора. Эти планы фиксируем термином «субъектная структура контекста». Для выявления особенностей функционирования глагольных предикатов последовательно отвечаем на вопрос: кто является субъектом когнитивного акта, маркируемого глагольным предикатом, – нарратор, рассказчик или персонаж.

Использование названных параметров позволило дифференцировать контекстно обусловленные смыслы слова, проанализировать варьирование когнитивной семантики слова в разных типах контекста (на уровне поверхностной языковой семантики). Таким образом была получена система значений слова, «порождаемая» разными тактико-стратегическими установками автора художественного дискурса.

Применение холистического – когнитивного – подхода позволило обобщить полученные эмпирические данные, выявить повторяющуюся структуру когнитивных процессов, в которой отображены шаблоны понимания и мышления; реконструировать единый гештальт-сценарий концептуальной области (на когнитивном уровне).

Когнитивный анализ в терминах «гештальт», «фон – фигура», «фокусирование – дефокусирование» позволяет описать распределение внимания (отражающее принципы зрительного восприятия) в семантико-синтаксической организации контекста, а также даёт возможность показать корреляцию между уровнем концептуальной и поверхностной языковой семантики, исследовать когнитивный процесс образования концептуализаций, схематически описать сдвиги когнитивного фокуса, которые лежат в основе создания разных концептуализаций (контекстных значений).

II. Внутренняя форма. В контексте задач исследования релевантен учёт исторически обусловленной семантики – внутренней формы этимологического типа. Глагол *чудиться* «казаться, мерещиться», диал. *чудиться* «представляться, мерещиться» восходит к праславянскому *čuditi, рефлексы которого в различных славянских языках развили значения «удивлять», «удивляться»: болг. *чудя се*

«удивляться», «биться над чем-либо, ломать голову», «негодовать»; макед. **чуди** «удивлять, изумлять»; сербохорв. **чудити се** «удивляться, изумляться», чеш. **čuditi se** то же, укр. **чудитися** «удивляться», блр. **чудзицьца** «изумляться». В древнерусском языке глагол **чюдитиса** обозначал не только «удивляться, поражаться», но и «быть восхваляемым, прославляемым», «восхищаться»⁴.

Праславянское ***čuditi** этимологи связывают с ***čudo**, которое является именем, образованным с помощью суффикса **-d-** от глагола ***čuti**. Как отмечает Сергей С. Аверинцев, для первобытного человека, которому еще неизвестна идея естественной необходимости, чудо представляется не как сверхъестественное в противоположность естественному, а просто как необычное в противоположность обычному:

Согласно первобытному представлению, которое и позднее продолжает жить в язычестве, в магии на низших уровнях бытовой религиозности, чудо – это событие, нарушающее привычный ход вещей, но вполне постороннее и могущее быть произвольно вызванным (а не вымоленным у трансцендентных инстанций) при помощи магической техники. Первоначально **чудо** есть то, чему можно «чудиться», т.е. удивляться, будь то дерево необычной величины, камень необычной формы, нерегулярное космическое событие вроде затмения солнца или луны, сверхобычное достижение человеческого мастерства и т. п. Греческое **θαύμα** или **θαυμαστός**, латинское **miraculum** и соответствующие ему производные в романских языках, немецкое **Wunder**, русское **чудо** и **диво** и т. п. означают «достойное удивления», в частности греческое **θαύμα** – «достойное того, чтобы на него смотрели»⁵.

По-видимому, праславянское ***čudo** изначально обозначало нечто заметное, постигаемое перцептивно. Этимологическое значение данной лексемы детерминировано семантикой глагола-мотиватора ***čuti**, в которой синкретично совмещаются перцептивные и гносеологические смыслы. Так, в древнерусском языке лексема **чутти** имела значения «чувствовать, ощущать», «слышать», «знать», «осознавать»⁶, в русских говорах глагол **чуть** обозначает «слышать» (арх., ворон., перм.), «обонять» (арх.), «понимать» (пск.)⁷. Олег Н. Трубочёв связывает праслав. ***čuti**, восходящее к и.-е. ***kēu-i-**, с др.-инд. **kavi** «ясновидец, мудрец, поэт», греч. **κοῦω** «замечать», лат. **caveo** «остерегаться», греч. **ἀκούω** «слышать», **ἑορῆσκοος** «жрец, гадающий по жертве». В этом контексте вполне мотивированным представляется сочетание в семантике лексемы **чудо** и производных от нее **чудити** и **чудитися** когнитивных признаков «восприятие (с широким спектром

⁴ *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*, под ред. акад. О.Н. Трубочёва, вып. 4, Москва: Наука 1977, с. 127-128.

⁵ С.С. Аверинцев, *Софія-Логос. Словник*, Київ: Дух і Літера 1999, с. 203.

⁶ И.И. Срезневский, *Материалы для словаря древнерусского языка*, Санкт-Петербург: Типография императорской академии наук 1893-1903. Т. 3: Р-Я, 1903, с. 1552-1553.

⁷ *Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд...*, с. 135.

перцептивных модусов – слух, обоняние, осязание и др.)» и «рефлексия по поводу воспринятого».

Таким образом, внутренняя форма – исходный семантический признак – связана с когнитивными признаками 1) замечать, внимать, слушать, т.е. получать некоторое впечатление; 2) оценивать полученное впечатление как чудное, удивительное, непостижимое, необъяснимое; 3) человек может получить впечатление / испытать ощущение, которое он не в состоянии объяснить.

Во внутренней форме концептуализируется то, как изначально был познан онтологический процесс восприятия денотативной ситуации, представлены первоначально закреплённые за глагольным словом интенционал и экстенционал. Экстенционалом выступает сам онтологический процесс восприятия, в интенционале концептуализируется рефлексивный акт субъекта над полученным впечатлением, которое субъект оценивает как удивительное, необъяснимое, непостижимое.

Внутренняя форма индуцирует развитие широкого диапазона значений полисемантического глагольного слова **чудиться / почудиться**, т.е. внутренняя форма связана как с этимологией слова, так и со структурой его многозначности в синхронии.

III. Типология художественных контекстов и систематизация контекстных значений глагольных предикатов

3.1. Для исследования языковой семантики в когнитивистской системе понятий важно, что в контекстах отражается опыт носителей языка, связанный с онтологией разных когнитивных процессов, которые можно условно назвать экстравертированными и интровертированными. С точки зрения Жо Годфруа:

Сознание – это мозаика состояний, которая играет более или менее значительную роль как во внешнем, так и во внутреннем равновесии индивидуума.

В критических ситуациях человек существует как бы на двух взаимоисключающих уровнях. С одной стороны, он должен быть частью объективного мира, в котором его «Я» вынуждено приспособливаться к внешней реальности. Это уровень экстравертированного сознания, перцептивных функций и принятия решений. С другой стороны, он погружается в субъективный мир изменённых состояний, из которого исключена связь с внешней действительностью и временем, где укореняется глубинное «Своё», в котором, по мнению некоторых, реализуется состояние «океанического союза со Вселенной»⁸.

В художественном материале⁹ обнаруживаются три функциональных типа контекста с **чудиться / почудиться**, в которых представлены различные когни-

⁸ Ж. Годфруа, Что такое психология: в 2-х т. Т.1. Москва: Мир 1996, с. 139.

⁹ Все контексты взяты из *Национального корпуса русского языка*, [в:] <http://ruscorpora.ru/search-main.html> (27.02.2022).

тивные акты: в контекстах первого типа – это рефлексия субъекта над результатами перцепции (перцептуальные значения), в контекстах второго типа – это рефлексия над адекватностью / неадекватностью интерпретации ранее полученных перцептивных данных, контексты третьего типа не связаны с реальными перцептивными актами, в них описывается внутренняя жизнь сознания персонажа. В них говорится о мечтах, воспоминаниях, видениях во время сна и некоторых других актах воображения и фантазии, при этом внутренняя жизнь сознания персонажей изображается как континуум разных впечатлений – зрительных образов, слуховых, вкусовых, тактильных, обонятельных ощущений.

Контексты первого и второго типов с глагольными предикатами представляют восприятие как динамичный процесс, состоящий из двух этапов. Первый этап – перцептивное восприятие, второй этап – ментальное осмысление перцептивных данных. В соответствии с двумя этапами онтологического процесса восприятия у глагольных предикатов можно выделить два семантических типа контекста: в первом возникают перцептуальные значения, а во втором – значение «рефлексивного акта над адекватностью / неадекватностью интерпретации ранее полученных перцептивных данных».

3.2. Перцептуальные значения у *чудиться*, *почудиться* возникают в контекстах, в которых субъект-экспериментатор задаётся вопросом, имеется ли в реальном мире объект, вызвавший его впечатление / ощущение. Так, в контекстах с отрицанием сообщается о том, что субъект-персонаж приходит к выводу, что его впечатления / ощущения имеют источник в реальной действительности – «мне не чудится, а я на самом деле видел / слышал нечто», ср.: «Нет, не чудится: мерный, глухой, ухающий звук набирает силу» [Марина Палей, *Поминовение* (1987)]. В контексте сообщается о рефлексии субъекта над полученными перцептивными впечатлениями. В таких контекстах семантика **чудиться**, **почудиться** противопоставляется значениям «реального восприятия» предикатов **видеть**, **слышать** и др. Ср.: «Там в тихих утренних озерах блеснёт вдруг серебряным боком рыбина и исчезнет в глубине, так что никогда и не узнаешь, видел ли наяву этот блеск или он только почудился» [Карен Шахназаров, *Курьер* (1986)].

Нас интересует когнитивный признак «в результате рефлексивного акта над собственными перцептивными впечатлениями субъект приходит к выводу, что чувства обманули его». Назовём это контекстное значение «обманом чувств». Когнитивный признак «обман чувств» по-разному представлен в семантике разных фрагментов: он то выдвигается на первый когнитивный план (попадает в фокус), то остаётся фоновым, затемнённым. Определим когнитивные и коммуникативные факторы, которые, с нашей точки зрения, обуславливают фокусирование внимания читателя на этом значении.

Анализ показывает, что контекстные значения предиката отражают характер когнитивной деятельности автора, запечатлённый в его нарративной стратегии. Если замысел автора состоит в том, чтобы показать персонажа, который задаётся вопросом, чудится ему нечто или в реальном мире имеется объект, соот-

носящийся с его впечатлением, то контекст строится в соответствии с дискурсивной стратегией – «первое, иллюзорное впечатление сменяется другим, реальным». Ср. следующий фрагмент, в котором глагольный предикат получает контекстное значение – «в результате рефлексивного акта над собственным впечатлением / ощущением субъект-экспериментер делает вывод, что первоначально чувства обманывали его»: «Прислушался внимательнее: ничего, тихо. Чудится всякая муть» [Андрей Троицкий, *Удар из прошлого* (2000)].

В следующем контексте нарратор использует предикаты **почудиться** и **показаться** для описания неопределённости впечатлений персонажа. Ср.: «Савелию показался или скорее почудился то ли приглушённый стон, то ли громкий вздох, который сразу же оборвался» [Виктор Доценко, *Срок для Бешеного* (1993)]. Семантика **показаться** связана с оценкой ошибочности / искажённости результатов восприятия, а **почудиться** – с отсутствием референтного объекта, который мог бы издавать звук. Употребление **показаться** и **почудиться** в одном контексте отражает мыслительную операцию сопоставления их значений, и в силу этого когнитивный признак «обман чувств» выдвигается на первый когнитивный план (попадает в фокус, становится фигурой). Однако, как уже отмечалось, в разных контекстах названный когнитивный признак представлен по-разному: он то эксплицируется (становится фигурой), то остаётся имплицитным (дефокусированным).

Проведённый анализ содержания контекстных значений исследуемых слов позволяет говорить о диффузности их семантики, причём глагольным предикатам свойственна семантическая диффузность разного типа. Во-первых, если в реальном мире не обнаруживается референтный объект, вызвавший то или иное впечатление / ощущение, то субъект задаётся вопросом, почему у него возник перцептивный образ предмета (**почему ему нечто чудится?**). Ср.: «Он вдруг остановился и резко оглянулся – почудился в темноте чей-то призрак, знакомая тень...» [Алексей Иванов, *Сердце Пармы* (2000)]. В контексте отражается неопределённость, неочевидность, непознанность источника испытываемого впечатления, в связи с этим не устанавливается факт иллюзорности / реальности увиденного. Так, например, в некоторых контекстах речь идёт об искажённости результатов восприятия, т.е. семантика глагольных предикатов связана с концептуализацией знания о том, что шум создаёт помехи, мешает процессу слухового восприятия. Из семантики такого контекста нельзя сделать однозначного вывода, соотносится ли впечатление с референтом, т.е. является оно иллюзорным или реальным. Ср.: «И сквозь звон рюмок мне снова почудился едва уловимый вздох» [Ирина Павская, *«Джоконда» Мценского уезда* (2006)]; «Сквозь его вой и отзвуки канонады почудился шелест шагов» [Борис Дубинин, *В том далеком сорок четвертом*, «Наш современник», 2004.06.15]. В приведённых контекстах оценочный смысл иллюзорности слуховых впечатлений субъекта-экспериментера остаётся дефокусированным, затемнённым.

Во-вторых, неопределённость – диффузность – семантики состоит в том, что в контексте может сообщаться о разных видах перцепции: о зрительных

иллюзорных впечатлениях, ср.: «Вдруг чудится, что мне наперерез кидается девочка» [Александр Иличевский, *Курбан-Байрам* (2005), «Новая Юность», 2004]; слуховых, ср.: «Зрелище похоже на извержение вулкана, взрывов сейчас нет, но мне чудится свист пуль и осколков над головой» [Борис Ефимов, *Десять десятилетий* (2000)]; обонятельных ощущениях, ср.: «Мне чудится стойкий запах грима» [Леонид Зорин, *Юпитер* (2001), «Знамя», 2002]; вкусовых иллюзорных ощущениях, ср.: «Они летели мощно, строим строгого кильватера, сократив дистанцию между собой до одного линейного, все семь лебедей были магнитной стрелкой, нацеленной на норд, – голубая стрела пронзила голубизну, оставив во мне такую свежую радость, что почудился даже вкус мяты во рту» [Виктор Конецкий, *Начало конца комедии* (1978)]; тактильных, ср.: «Внезапно ему почудилась легкая дрожь в воздухе» [Михаил Тырин, *Будет немножечко больно* (2014)]. Пропозициональная структура с имперфективным предикатом **кому чудится кто / что** и перфективным предикатом **кому почудился кто / что** выступает языковой формой для концептуализации сообщений о разных впечатлениях, ощущениях персонажа – зрительных, слуховых, обонятельных, осязательных, тактильных. Континуальность семантики глагольного предиката можно объяснить синергетикой когнитивной деятельности человека, целостностью – гештальтностью – самого процесса восприятия человеком действительного мира.

В художественном контексте с **чудиться, почудиться** имплицирована сложная субъектная структура, состоящая из позиций субъекта-экспериментатора, субъекта рефлексии и субъекта речи. В «Я»-контексте рассказчик выступает и субъектом-экспериментатором, и субъектом рефлексивного акта, и субъектом речи. Имперфективный предикат **чудиться** в форме настоящего времени является языковой формой для концептуализации длительности когнитивного процесса, связанного с последующим рефлексивным актом, в связи с этим в контексте имплицирован рефлексивный акт (остаётся дефокусированным). Актуальность (во временном значении термина) процесса восприятия также отражает сомнения рассказчика в правильности / ошибочности интерпретации полученных впечатлений: «Все, понимаешь, чудится по ночам, – ходит кто-то по дому!» [Юрий Казаков, *Во сне ты горько плакал* (1977)]. Субъектная структура нарративного «ОН»-контекста заполняется по-другому: в позиции субъекта-экспериментатора оказывается персонаж, а позиции субъекта рефлексии и субъекта речи принадлежат нарратору. Нарратор оценивает результаты перцептивного акта персонажа как «обман чувств»: «Лецкому чудится, что он слышит, как юноша шепчет себе: Решайся!» [Леонид Зорин, *Глас народа* (2007-2008), «Знамя» 2008].

В рассмотренных контекстах содержание рефлексивного акта – оценка иллюзорности впечатления, обусловленная отсутствием референта, – получает различный когнитивный статус: в «Я»-контексте рассказчик сомневается, а в «ОН»-контексте нарратор абсолютно уверен в сообщаемом, т.е. в «ОН»-контексте рефлексивный акт выдвигается на первый когнитивный план (попадает в фокус), а в «Я»-контексте остаётся дефокусированным.

В «ТЫ»-контексте также возникают коммуникативные предпосылки для фокусирования внимания читателя на реакции второго лица, которую рассказчик оценивает как неадекватную, ошибочную. «ТЫ»-контекст выражает недоверие к собеседнику, который, с точки зрения говорящего, ошибается в своих впечатлениях. Ср.: «Скажешь, что тебе шум у соседа почудился, вот ты и проверить решил» [Дмитрий Липскеров, *Последний сон разума* (1999)].

Таким образом, языковая структура **кому чудится / почудилось кто / что** коррелирует с когнитивной структурой, в которой онтология процесса восприятия отражается **иконически** – в сознании человека возникает перцептивный образ, для которого субъект не находит референтного объекта в реальном мире и поэтому не понимает причины его появления. Во всех подобных случаях субъект оценивает своё впечатление как чудное, удивительное, непостижимое. Контекст иконически отражает когнитивный акт, являясь как будто бы «слепком» с акта сознания.

3.3. В контекстах второго типа возникает значение «рефлексии над адекватностью / неадекватностью интерпретации полученных перцептивных данных», которое, с нашей точки зрения, отражает этап ментального осмысления ранее полученных эмпирических данных. При этом ощущения и ментальные акты предстают как неразделимые, как будто бы проникающие друг в друга.

Некоторые художественные контексты отражают установку автора / нарратора показать возможную причину / обстоятельство возникновения у персонажа «симптомов расстройства восприятия». В таких контекстах возникает конфликт между содержанием широкого контекста, в котором названы причины «неадекватности интерпретации полученных перцептивных данных», и семантикой глагольного предиката, которая отражает противоположное – неспособность понять настоящие причины. В нашем материале встретились следующие случаи:

1) перцептивный аппарат человека несовершенен: он не способен различать естественные и искусственные запахи: «Сидя в своем макете, мы не слышим ни аромата скошенных трав, ни лесного дыхания, и если нам чудится запах хвои, то исходит он от картонной елочки-дезодоранта, болтающейся под зеркальцем на лобовом стекле» [Олег Зайончковский, *Счастье возможно: роман нашего времени* (2008)];

2) в состоянии опьянения человеку может что-то почудиться: «Или мне это с нетрезвых глаз чудится?» [Анна Ткачева, *Приворот* (1996)];

3) в моменты сильного нервного напряжения у человека могут возникать навязчивые идеи: «Почему же чудится, что стоит за спиной неминуемая лихая беда?» [Алексей Иванов, *Сердце Пармы* (2000)];

4) если человека преследуют неудачи, возникает «психоз переутомления» и разочарования: «Я уже успокоился, успокойся и ты, все, все, хватит, может, это действительно все мне чудится, психоз переутомления, и ты же знаешь, у меня сейчас работа не идет, прогорают галереи, негде выставиться, продать, и на кино нет денег ни у кого, кто меня снимал, а со стихами и вообще смешно,

но я соберусь, вот подожди, вот сегодня вообще не буду пить, сейчас приберу здесь» [Александр Кабаков, *Последний герой* (1994-1995)];

5) полубредовое состояние сознания – причина возникновения иллюзорных впечатлений и ощущений: «Или ему это чудится в полубреду?» [И. Грекова, *Фазан* (1984)];

6) одной из причин может быть шизофрения: «Ему, Ломакину, не чудится, он не шизофреник Садовников, он, черт побери, почти осилил „Час червей“!» [Андрей Измайлов, *Трюкач* (2001)];

7) находясь в состоянии изменённого воздействием химических веществ сознания, человек теряет адекватность ощущений: «О чём человек задумает, клей слизывая, то ему и чудится, будто есть оно» [Герман Садулаев, *Таблетка* (2008)];

8) голод может быть причиной видений, галлюцинаций: «У Волка начинаются голодные видения, и ему чудится Красная Шапочка» [*Эники-беники. Либретто музыкального спектакля* (2003)].

Художественная нарративная стратегия часто опирается на семантику перфективного предиката **почудиться**, несущую информацию о первичной ошибочной интерпретации услышанного рассказчиком. Например, в следующем контексте, построенном в соответствии с пропозицией **что почудилось кому чем (ср. что показалось кому чем)**, рассказчик, владея всей необходимой информацией о происходящем событии, объясняет читателю причину того, почему сначала у него возникла ошибочная интерпретация услышанного, ср.: «Пьяный, упав во сне с нар, Дунаев зацепил ногой ведро, кастрюлю, все загрохотало, и грохот этот почудился нам давеча выстрелом» [И. Меттер, *Выстрел* (1979)]. В следующем контексте нарратор сообщает читателю о том, как понимают причину иллюзорных зрительных впечатлений персонажа (Перегуд) другие персонажи (степняки). Называемая персонажами причина – состояние опьянения Перегуда, ср.: «Потому степняки порешили, что был Перегуд пьян, раз волк ему почудился» [Олег Павлов, *Казенная сказка* (1993)].

В контекстах второго семантического типа, так же как и в случае с первым типом, представлены разные виды перцепции: во-первых, ошибочная, с точки зрения рассказчика, интерпретация результатов увиденного: «Они оглядели меня с некоторым сожалением, или мне лишь почудился оттенок этого выражения на их ничего не выражавших лицах» [Николай Климонтович, *Последняя газета* (1997-1999)]; во-вторых, рефлексивный акт субъекта-экспериментатора над адекватностью / неадекватностью понимания услышанного, ср. нарратор сообщает, что персонаж никому не верит, понимая, что другие персонажи не говорят ему правду: «А Матюшин не верит. Чудится ему, что усыпляют его потихоньку, что играют с ним, а сами-то знают правду» [Олег Павлов, *Дело Матюшина* (1996)]; «Когда мне говорят за мою книжку „спасибо“, мне чудится фальшь ситуации: тоже, восьмитомник Шекспира с золотым обрезом» [Михаил Веллер, *Ножик Сережи Довлатова* (1997)]. Диффузность семантики глагольного предиката **чудиться** состоит в том, что под влиянием семантики контекста он получает значение «субъект подозревает, что его обманывают». В-третьих, на базе

тактильных ощущений: «Но, бесспорно, любовь эта очень корыстная: не музыка сама по себе привлекает пауков, а резонансное сотрясение паутины, и им, паукам, чудится тогда, что попавшая в сеть муха ее трясет» [С.В. Рязанцев, *В мире запахов и звуков* (1997)]; в-четвёртых, на базе оценки воспринятого разными органами чувств: «„Кабала святош“ показалась мне несильной пьесой Булгакова, автор гениального романа „Мастер и Маргарита“ и великих произведений „Собачье сердце“ и „Белая гвардия“ почудился после спектакля невеликим драматургом», [Виталий Вульф, *Преодоление себя (из книги «Серебряный шар»)* «Октябрь» 2002]. Оценка своей реакции как ошибочной, временной, такой, которая в будущем сменится «истинной», выражается создаваемой в контексте антитезой: **автор гениального романа ... почудился ... невеликим драматургом.**

Следующий фрагмент показывает, что семантика глагольного предиката амальгамируется с семантикой контекста: «Есть же в жизни какие-то дни и недели, которые угнетают не результатами, не итогами прожитого и воспоминаемого, а неким ощущением непознаваемой ошибки, за которой чудится общая неурядица всей человеческой жизни» [Анатолий Азольский, *Диверсант*, «Новый Мир», 2002]. Философские размышления об «общей неурядице всей человеческой жизни» связаны с рефлексией субъекта над «ощущением непознаваемой ошибки», т.е. связаны с чем-то непостижимым, не подлежащим определению.

Уже отмечалось, что полисемантические глагольные предикаты **чудиться, почудиться** относятся к словам с диффузной семантикой и со способностью к микрии – семантическому копированию контекстного окружения. Реализуя одну из важнейших задач исследования – построить метакогнитивную модель, объясняющую, как соотносится семантика контекста и семантика слова в контексте, – мы пришли к выводу, что семантика широкого контекста выполняет роль «фона», а на том или ином конкретном «фоне» выделяется в качестве «фигуры» соответствующее контекстное значение глагольного предиката. «Фигура» – контекстное значение слова – задается семантикой широкого контекста (фона). Термины «фон – фигура» эксплицируют обусловленность выделяемого содержанием невыделяемого.

3.4. Третий (в нашей систематизации) тип контекста описывает внутреннюю – интровертированную – жизнь сознания персонажа. Как уже было отмечено, в разных контекстах с **чудиться / почудиться** по-разному представлена когнитивная деятельность субъекта: в контекстах с перцептуальными значениями – это рефлексия над результатами перцепции, а в контекстах, описывающих внутреннюю жизнь сознания персонажа, речь не идёт о перцептивных актах. К третьему типу относим контексты, которые строятся в соответствии со следующими дискурсивными сценариями – «мечты персонажа о будущем», «игра воображения с разными перцептивными образами», «метафизические прозрения, откровения», «сон / состояние полусна персонажа», «воспоминания персонажа».

Первый семантический подтип в нашей систематизации контекстов составляют контексты, в которых реализуется дискурсивный сценарий «мечты о будущем». Будущее «видится» персонажу: создаётся на основе зрительных иллюзорных образов, ср.: «Мне чудится, что в ночь перед Рождеством ты будешь сидеть, прижавшись ко мне и рассказывая, как жила без меня, как ждала меня, как дождалась» [Александр Морозов, *Прежние слова* (1985-2001), «Знамя» 2002]. Контекст, реализующий фантазию о будущем, может опираться на приём игры воображения персонажа со слуховыми ощущениями: «Они впали в благостное состояние настолько одновременно, что Филу почудился далёкий крик будущего младенца» [Григорий Дединский, *Пиковая дама*, «Криминальный отдел» 2010].

Ко второму семантическому подтипу мы отнесли контексты, реализующие дискурсивный сценарий «игра воображения с разными перцептивными образами»: во-первых, контекст строится посредством использования зрительных образов, ср.: «Жизнь сознания: мысли, предвидения, прозрения, инсайт, откровения: Сижу, смотрю вперед в далекую темноту и сырость, и чудится мне, будто я поздним вечером холодной, дождливой осенью сижу вместе с моим Шурой Плоткиным на подоконнике настезь распахнутого окна нашей квартиры на восьмом этаже и смотрю в черноту понурого ночного неба поверх обшарпанных крыш старых пятиэтажных домиков...» [Владимир Кунин, *Кыся* (1998-2000)]; во-вторых, на базе синтеза зрительных и слуховых образов: «На идею меня натолкнула все та же Пупуля: она, оказывается, дивно поёт настоящие народные украинские песни, и, слушая её, почудился мне спектакль-концерт: врывается на сцену под песню «Эх, тачанка» трое коней, на тачанке вся молодёжь, целуются, поздравляют друг друга с праздниками и постепенно, как бы поздравляя, выплывают белоруски, украинки, русские в национальных костюмах, водят хороводы, танцуют, поют» [Татьяна Окуневская, *Татьянин день* (1998)].

Третий семантический подтип – это контексты, сообщающие о метафизических прозрениях, откровениях, ср.: «Вот тогда-то, мне чудится, вечность спустилась на землю и стала мгновением» [В.Д. Пришвина, М.М. Пришвин, *Мы с тобой. Дневник любви* (1940)]; «И чудится, будто рядом бродит смерть» [Олег Павлов, *Степная книга* (1990-1998)].

Четвёртый семантический подтип включает контексты, построенные на базе дискурсивного сценария «сон / состояние полусна персонажа». По данным науки психологии, во сне зрительные, «слуховые и тактильные образы возникают "изнутри", так же как ощущение лёгкости, вращения или потери равновесия»¹⁰. У таких образов нет референтов, им в действительности ничего не соответствует. Это иконически отражает художественный контекст, который изображает жизнь сознания во сне как континуальное соединение различных перцептивных образов и ощущений, хранящихся в памяти персонажа, а также актов воображения, различных переживаний и психологических состояний, ср.: «Только что закрое

¹⁰ Ж. Годфруа, *Что такое психология*: в 2-х т. Т. 1..., с. 172.

глаза, уж ему что-то нескладное, несбываемое чудится: то будто мельница на него валится, то будто он в колесо попал, и никак ему оттуда не изворотиться» [К.С. Баранцевич, *На мельнице* (1903)]. Контекст изоморфно отражает процесс сна: сон состоит из квантов, которые хаотично сменяют друг друга, спонтанно воссоздаются в сознании. В соответствии с тактико-стратегическими установками автора, в художественных контекстах отражается способность человеческого сознания создавать ментальные репрезентации на внутреннем «экране» сознания во сне, когда глаза закрыты.

С точки зрения когнитивной, контекстное значение **чудиться**, отражающее когнитивные акты и продуцируемые ими иллюзорные образы, возникающие во сне «изнутри» сознания, отличается как от перцептуальных значений, так и от значений «рефлексии над полученными перцептивными образами». Они различаются как интровертированные и экстравертированные когнитивные акты.

Пятый семантический подтип составляют контексты, реализующие дискурсивный сценарий «воспоминания персонажа». В художественном контексте отображается тот факт, что, если человек погружается в воспоминания, то его психика может воссоздавать звуки из прошлого так, как будто бы человек их актуально воспринимает. Ср.: «Она сразу подумала о маме, о том, что, значит, они скоро встретятся, и ей живо припомнилась их комната с окном в потолке, толстые, выкрашенные голубой краской трубы парового отопления вдоль стены, набитый книгами ларь у дверей, а потом вдруг промелькнула мама, кроющая распашонку на их столе, сколоченном из грубых сосновых досок, отёртых мамою кирпичом до желтоватого соломенного лоска... Ей даже почудился сладко-голосый плач» [Вацлав Михальский, *Для радости нужны двое* (2005)].

IV. Выводы

Глагольные предикаты **чудиться**, **почудиться** развивают широкий диапазон контекстных значений, в которых, с когнитивной точки зрения, концептуализируются экстравертированные и интровертированные когнитивные акты человека. Несмотря на безусловные различия экстравертированных и интровертированных актов сознания, их объединяет оценка, заложенная во внутренней форме слова. Контекстные значения глагольных предикатов как будто бы произрастают из внутренней формы слова – из значения «чудное впечатление, т.е. непонятное, необъяснимое, удивительное».

Выявив повторяющуюся структуру когнитивных процессов, в которой отражены шаблоны понимания и мышления, мы реконструировали гештальт-сценарий изучаемой концептуальной области. Гештальт-сценарий предполагает:

- наличие субъекта-экспериенцера;
- возникающее в его сознании чудное впечатление / ощущение (зрительное / слуховое / тактильное / вкусовое / обонятельное) как результат перцептивного акта или интровертированного акта, отражающего жизнь сознания во сне / по-

лусне, воспоминании, мечтах, фантазии, в состоянии игры воображения, бреда / полубреда и некоторых других особых состояниях сознания;

– потенциальный акт рефлексивной проверки, направленный на поиск источника впечатления / ощущения или причины, приведшей к возникновению чудного образа;

– вывод о полной или частичной непознаваемости этой причины.

Реконструированный нами гештальт-сценарий включает концептуализированный в семантике контекстов когнитивный опыт и знания, представленные в диффузном, свернутом виде и поэтому зачастую не осознаваемые простыми носителями языка: **онтологическая сущность и причина полученного впечатления / ощущения остаются для субъекта непознанными, это и проявляется в диффузности семантики глагольных предикатов.**

Анализ в терминах «фон – фигура» позволил схематично показать корреляцию между концептуальным уровнем (гештальт-сценарий) и уровнем поверхностной языковой семантики. Реконструированный нами гештальт концептуальной области выполняет роль «фона», на котором выделяется «фигура» – семантика контекста с глагольным предикатом **чудиться / почудиться**. При этом в «фигуру» всякий раз попадает только фрагмент концептуальной области, а оставшаяся часть концептуальных смыслов дефокусируется, но полностью не исчезает.

Реконструируемая нами концептуальная область может быть описана как целостная, континуальная, диффузная, неопределённая, размытая, не имеющая четких границ. В отличие от концептуальной, поверхностная языковая семантика предстает как более конкретный фрагмент концептуальной области, как будто бы выхваченный когнитивным фокусом. Корреляция между семантикой контекста и семантикой слова в контексте опять может быть представлена в терминах «фон – фигура». В соответствии с правилом выделения «фигуры» на «фоне», в семантике каждого контекста «высвечивается» свое (более конкретное) значение глагольного слова.

Экспланаторность предложенной нами лингвокогнитивной модели полисемии заключается в том, что когнитивный процесс создания разных концептуализаций (значений) обуславливается правилами, сформированными гештальт-сценарием. Дискурсивные семантические вариации являются результатом процессов «фокусирования – дефокусирования» тех или иных фрагментов принципиально целостной синкретичной когнитивной структуры – гештальта. Несмотря на безусловные семантические различия, связанные с использованием слова в контекстах первого, второго и третьего типов, гештальт-сценарий обеспечивает целостность семантической структуры слова, создавая концептуальный «фон», на котором продуцируются дискурсивно обусловленные контекстные значения. В результате этого возникает регулярная полисемия, моделируемая правилами единого гештальт-сценария.

References

- Averintsev S.S., *Sofiya-Logos. Slovník*, Kiïv: Dukh i Litera 1999.
- Boldyrev N.N., *Kognitivnaya semantika glagola: sbornik statey*, Moskva – Berlin: Direkt-Media 2016.
- Cherntsova E.V., *Diskursivnoye var'irovaniye kognitivnoy semantiki slova: opyt integral'nogo issledovaniya (na materiale glagol'nykh predikatov kazat'sya, pokazat'sya, deverbativa kazhimost', parentezy kazhetsya): monografiya*, Khar'kov: KhNU imeni V.N. Karazina 2019.
- Etimologicheskij slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskij leksicheskiy fond*, pod red. akad. O.N. Trubacheva. Moskva: Nauka, 1974-2018, vyp. 4. 1977.
- Godefroid Jo., *Chto takoye psikhologiya*, v 2-kh t. T.1, Moskva: Mir 1996.
- Iriskhanova O.K., *Igry fokusa v yazyke. Semantika, sintaksis i pragmatika defokusirovaniya*, Moskva: Yazyki slavyanskoj kul'tury 2014.
- Natsional'nyy korpus russkogo yazyka*, [v:] <http://ruscorpora.ru/search-main.html>.
- Sreznevskij I.I., *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka*, SPb.: Tipografiya imperatorskoj akademii nauk, 1893-1903. T. 3: R-Ya. 1903.

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

Елена Вадимовна Чернцова (Elena Cherntsova) – доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина (V.N. Karazin Kharkiv National University). **Публикации: книги:** *Дискурсивное варьирование когнитивной семантики слова: опыт интегрального исследования (на материале глагольных предикатов казаться, показаться, deverbativa кажимость, parentezy кажется): монография*, Харьков: ХНУ имени В.Н. Каразина 2019. **Статьи:** *Когнитивная семантика и нарративные функции parentezy кажется в разных контекстах художественного дискурса*, „Studia Rossica Posnaniensia” 2017, t. XLII, Poznań: Wydawnictwo Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, s. 115-126; *Когнитивный анализ конкретных vs. абстрактных значений глагольного предиката казаться*, «Мова і культура (науковий журнал)», Киïв: Видавничий дім Дмитра Бураго 2018, вип. 21, т. VI (195), с. 344-350; *Метакогнитивная репрезентация концептуальной области «кажимости» (на материале семантики глагольных предикатов казаться, показаться)*, „Studia Rossica Posnaniensia” 2019, t. XLIV, nr 1, Poznań: Wydawnictwo Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, s. 277-288; *Релевантность понятий «гештальт», «фигура», «фон», «фокус» для анализа концептуальной области «кажимости»*, „Studia Slavica Hungarica” 2019, t. 64, № 1, с. 37-46; *Лингвокогнитивная модель полисемии слов с семантикой когнитивной деятельности человека*, „Slavia Centralis” 2021, vol. 14, № 1, s. 121-135.

ORCID: 0000-0002-1579-7070

Email: e.v.cherntsova@gmail.com

Людмила Вадимовна Педченко (Lyudmila Pedchenko) – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка филологического факультета Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина (V.N. Karazin Kharkiv National University). **Публикации: статьи:** *Русские диалектные наименования ритуального и бытового огня*, «Кодови словенских культура. Ватра» 2008, број 10, Београд, с. 158-171; *Концепт «огонь» в русском языке*, «Слов'янський збірник», Київ: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2012, вип. 17, ч. 2, с. 148-156; *Когнитивная структура семантического поля «теплый» в русском диалектном языке*, «Русская филология. Вестник Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды», Харьков 2017, № 1 (60), с. 10-17; *Перцептивная метафора как средство создания «образа человека» в русском диалектном языке*, «Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна» Серія «Філологія» 2017, вип. 77, Харків, с. 50-55; *Принципы номинации органов зрительного восприятия в русском языке*, «Русская филология. Вестник Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды» 2019, Харьков, № 4 (70), с. 43-51; *Концептуализация перцептивного признака «влажность» (по данным русского диалектного языка)*, «Мова: Науково-теоретичний часопис з мовознавства», № 35, 2021, Одесса: «Астропринт» 2021, с. 39-45.

ORCID: 0000-0002-8603-293X

Email: pedchenko1210@gmail.com